

НАРОДЫ АМЕРИКИ

© 1990 г.

J. H. Moore. *The Cheyenne Nation. A Social and Demographic History*. Lincoln and London, 1987. 390 p.

В течение десятилетий наши представления об индейских племенах Америки базировались на наблюдениях и обобщениях американских этнографов — классиков «золотого века американской этнологии» конца XIX—30-х годов XX в. Именно в этот период были монографически исследованы большинство североамериканских индейских племен. Особенно подробно изучена этнография степных индейцев, некоторых из них неоднократно. Так было и с чейеннами. Монографии Дж. Гриннела, Дж. Дорсея, Дж. Муни стали уже классикой. История знакомства европейских поселенцев с индейцами, свидетельства торговцев, путешественников, военных и правительственных агентов об их жизни в течение XVII—XIX в., демографические наблюдения, производство, занятия, общественная и религиозная жизнь, быт, материальная культура, фольклор, — все, казалось бы, получило освещение, включая и описание резервационного быта индейцев. Однако новые исследования Дж. Мура показывают, что к настоящему времени не все проблемы исчерпаны.

Дж. Мур относит себя одновременно «к последнему поколению полевых исследователей, которые могут еще получить новые знания об аборигенных культурах степей...», и «к первому поколению, — применяющему компьютеры для того, чтобы разобраться в огромной массе данных по переписям и административным вопросам» (с. 3). Это порубежное в методическом и методологическом планах положение современного исследователя-этнолога и определило во многом специфику подхода Дж. Мура к материалу, который оказался в его руках благодаря дружеским отношениям со многими старейшинами и вождями чейеннов, а также интенсивно проводившимся им полевым работам в 1980—1982 гг. и последующим архивным изысканиям. В лучших традициях американской этнологической школы, подкрепленной марксистской методологией (с. 8, 127, 337, 338), автор стремился возможно точнее определить этносоциальную терминологию своего исследования, что сразу же при анализе таких понятий, как «племя» и «народность», по отношению к популяции чейеннов дает ему возможность показать пределы эволюции общественного устройства индейцев от матрилинейной, матрилокальной организации, управляемой советом вождей, к агнатной, с наследованием по мужской линии, руководимой военными вождями (с. 94). В сущности, Дж. Мур в споре с Э. А. Хэбелом отстаивает идею военной демократии как формы перехода от родоплеменного устройства к классовому, осуществляющемуся уже в рамках новых форм этносоциальной общности — «народности», «нации». К сожалению, материал для этносоциологического обобщения, который давала американская действительность XVII—XIX в., оказался недостаточно выразительным, ибо на чистоту опыта, связанного с переходом к классовому обществу, к более высокой общественно-экономической формации и устойчивым государственно-административным формам управления, — непрерывно воздействовало организованное давление внешних социально-экономических стимуляторов, колонизационных потоков европейских иммигрантов.

Специфика историко-культурного подхода, осуществленного Дж. Муром, заключается в том, что социальные и демографические процессы он стремится показать на фоне живой исторической действительности. И это в первую очередь отражается на его подходе к источникам. Их характеристике посвящено немногим менее трети всего текста (с. 27—125), сгруппированного в три главы. Глава 2 — «Племенной круг», где описано размещение различных подразделений чейеннов в священном кольцевом лагере (типичном организационном устройстве степных кочевых племен), в котором проводился ежегодный праздник солнечного танца. Глава 3 — «Старые документы», где приведены сведения, собранные экспедицией М. Льюиса и У. Кларка (1804 г.), и предшествующие сообщения, которые могут быть связаны с чейеннами, а также не опубликованные ранее топографические карты, содержащие даже сведения, относящиеся к 1674 г. (с. 78). Глава 4 — «Устная история», включающая священную мифологическую традицию, в том числе креативные мифы (с. 9—98) основных подразделений чейеннов, а также их светскую историю.

В результате проведенного в этих главах исследования была выяснена динамика развития общественно-политического устройства чейеннов в исторический период (с. 15, 19, 121—125), установлены пути их расселения с Верхней Миссисипи к Блэк-Хилс (на рубеже штатов Вайоминг и Южная Дакота) (с. 80, 83). Вообще стремление представить культуру чейеннов именно в развитии выгодно отличает монографию Дж. Мура от работ предшественников, которые обычно составляли этнологическую характеристику по воспоминаниям индейцев — современных событий конца «века бизонов», проживающих в резервациях. Предыдущий период рассматривался ими фрагментарно в соответствии с отдельными наблюдениями путешественников прошлого, сопровождающихся описанием некоторых деталей быта индейцев, образцов их материальной и духовной культуры. Таким образом, хронология жизни индейцев ставилась в прямую зависимость от посещений путешественников-наблюдателей и самого качества их наблюдений.

Дж. Мур, выявляя последовательность сегментации групп, образования новых (вследствие соединения представителей различных подразделений), поглощение одного коллектива другим, распад коллективов, преобразование их вследствие браков с представителями других групп или даже этносов (с. 53, 54), стремится установить внутренние исторические вехи племенной истории чейеннов (с. 87, 122—124) и представить комплексную социальную характеристику каждого из периодов, насколько позволяют материал и современные возможности этнологических реконструкций.

Показательно в этом смысле история изучения этнонима «чейенны», который еще в начале XIX в. путешественники могли воспринимать по аналогии с наименованием «кроду» (вороны) как французский перевод самоназвания, восходящего к слову «собаки» (ср. с. 59). Cheyenne — chien — Nation du Chien, указано на неопубликованной карте, рисованной Л. Хэннепэном в 1967 г., где этот «народ» отмечен на западном берегу Миссисипи близ ее истоков. На карте Ж.-Б. Фрэнклена (1697 г.) примерно там же обозначены «chiametapou» (у дакота «top» означает народ) (с. 79). По данным информаторов-чейеннов, живших в первой половине XIX в., подразделение чейеннов «сутайю» было еще самостоятельным племенем, но называлось «народом собак», потому что не имело лошадей и использовало в волокушах собак. Отсюда, видимо, возникло и французское наименование. Однако современный этноним восходит к сиускому наименованию чейеннов — *сайенас*, т. е. «говорящие на красном (языке)» (с. 78—79), что связано с идиомами сиу: «белая речь» — понятный язык, «красная речь» — чужой, непонятный язык. Естественно, что язык чейеннов, принадлежащий к языковой семье алгонкинов, был непонятен атапаскам — сиу (с. 59). Но в сознании путешественников, торговцев, а затем и исследователей семантические и фонетические характеристики этих терминов сложно и причудливо переплетались. Даже единичный пример с этнонимом чейеннов показывает, сколь сложна была реконструкция этнотопонимической обстановки в прериях, а ведь реальная история индейцев прерий может быть написана лишь при том условии, что идентификация индейских племен и их подразделений проведена безупречно, тогда как в данной области многое намечено лишь приблизительно (см. лингвистическое приложение на с. 339—345). Изучение этих явлений показывает, сколь большие трудности, во многом еще не замечаемые специалистами, стоят на пути реконструкции древней этнокультурной и лингвистической ситуации в Евразии.

Далее Дж. Мур находит возможность подкрепить свои исторические наблюдения анализом природной обстановки степей (глава 5): «Я убежден, что такие значительные события, как войны, восстания, миграции и союзы могут быть поняты в качестве итога многих мелких событий — столь простых, как изыскание достаточного количества травы для лошадей» (с. 128).

Дж. Мур показывает, что для чейеннов охотничьею периода условия жизни в низкотравных степях¹, где сочетались три вида трав, необходимых, согласно этноботанике чейеннов, для прокорма лошадей² (с. 158, карта 8), определялись в середине XIX в. размерами и качеством пастбищ (на с. 145, 165 предлагаются формулы для определения размеров территории поселений), устойчивыми водными ресурсами (с. 155), наличием топлива (с. 149; ср. также карты 5, с. 129 и 12, с. 173). Автор приходит к выводу, что чейенны, охотясь, искали специально не стада бизонов, а пастбища, к которым приходили бизоны (с. 165). Этими условиями определялась жизнь популяции, насчитывавшей 3000 душ (с. 132, 133) и владеющей более чем двумя лошадьми на каждое семейство (с. 169—171).

XIX век в жизни индейских степных племен — время непрерывных перемен. В первой половине столетия произошел необычайный взлет, а во второй его половине — тяжелое падение. В конце XIX в. индейцы выступают в период безрадостного национального упадка, связанного о резервационной организацией жизни и быта, с полной зависимостью от государственных социальных программ. Этот период оказывается для Дж. Мура лишь отправной точкой, откуда можно достигать легендарных времен индейской истории. В четырех главах монографии (главы 6—9) сосредоточена основная проблематика его работы — социальная история и семейная жизнь чейеннов, проблемы, определяющие принципы взаимного общения в коллективе, место и значение этого коллектива среди окружающих народов и, наконец, его выживаемость, способность сохранять этнические особенности и самобытность при всех переменах XIX и безысходности XX в.

Развитие социальных отношений в среде чейеннов происходило, с точки зрения исторической перспективы, в крайне короткий срок. Лишь в первой половине XVIII в. четыре племени чейеннов становятся владельцами конских табунов. В середине того же века великий пророк Добрый Шаман «дал» им законодательство, где определил главные установления нового народа. Он запретил войны между группами, охарактеризовав межгрупповое кровопролитие как убийство, потребовал изгнания убийц и ритуального очищения священных стрел. Он определил взаимоотношения военных союзов с народными сообществами, создал новый вид политического и юридического органа — «совет сорока четырех» (с. 315, а также 102—105 и др.). В XIX в. состоялась собственно история чейеннов как народа: он «обрел национальное самосознание из разрозненных групп разного генезиса» (с. 193—197), обрел духовное единство (см. примеры построения ежегодного «священного круга» в праздник солнца, — с. 44, 47, 329). Наряду с мирной племенной структурой (с. 195, 249) чейенны создали боевую организацию (с. 197—204, 61—66), своеобразную материальную культуру, быт, образ жизни. Думается, что к этим вопросам еще стоит вернуться автору. Их изучение поможет разрешить многие сложности в изменениях племенной и групповой структуры, систем родства, локального семейного расселения.

Монография Дж. Мура представляется знаменательным явлением в американской этнологии. Она указывает на широчайшие, еще не использованные, возможности исследования тех разнообразных кочевых народов, которые еще недавно населяли прерии США и которые, казалось бы, оставили лишь скудный резервационный быт и богатейшие музейные собрания. Дж. Мур показал, что один из таких народов — чейенны — живет еще своим прошлым, его полной и яркой историей, которую не смогли стереть годы упадка.

П. М. Кожин

Примечания

¹ Болл А. Северная Америка. М., 1948. С. 101; Уиттекер Р. Сообщества и экосистема. М., 1980. С. 155.

² Более восточные племена пауни и оседж осваивали высокотравную прерию (. 174).